

МОНАСТЫРЬ
С. КОЛУМБА,
или
РЫЦАРЬ
КРАСНАГО ОРУЖІЯ.

Сочиненіе Радклифъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА, 1816.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Печаташь дозволяется съ тѣмъ,
чтобы по впечатаніи, до выскла
въ проѣзду, предшавлены были
въ Ценсурный Комитетъ: одинъ
экземпляръ сей книги для Цензурна-
го Комитета, другой для Депар-
таментна Министрства прѣсвѣще-
нія; два экземпляра для Император-
ской публичной Библиотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ.
Октябръ 16 го дня 1816 года. П О:
Профессоръ Василій Котельницкій.

МОНАСТЫРЬ

С. КОЛУМБА.

~~~~~

ГЛАВА I.

Джонъ Думбаръ, переодѣвшись, дожидался нешерпѣла во съ Губерномъ минувши идти въ монастырь. По совѣшу перваго, Авинцо вооружился. Монахъ также взялъ кинжалъ для защищенія себя отъ всякаго нападенія.

Уже прошла часть вечера и темнота ночи замѣнила дневной свѣтъ. Оба вышли съ осторожностію изъ хижины и подошли въ молчаніи къ потасени му проходу, чье въ которой достигли до подземельевъ. Монахъ не могъ удержаться.

Часть III. А

жашься, чтобы не обнару-
 жить своего удивленія: ибо
 хотя ему совершенно знако-
 мы были всѣ закоулки и вы-
 ходы монастыря, однако все-
 гда думалъ, что дверь сія за-
 перта снупри. Онъ удивился
 также, видя, съ какою удоб-
 ностію Авиинцо взошелъ на
 кладбище и опиреть рѣшетку,
 ведущую въ галлерию. Сла-
 бость и обморокъ, въ копо-
 ромъ находился онъ во время
 перваго выхода съ Губертномъ,
 не позволяли ему замѣнить
 того.

Губертю съ осторожно-
 стію пробрался въ церковь и
 повелъ своего поварница въ
 мѣсто, служившее ему все-
 гда убѣжищемъ. Вскорѣ пред-
 ставился вѣраамъ ихъ опецъ
 Аббатъ.

При видѣ Гондеца, под-
 ходившаго медленными шага-
 ми къ крылату, Джонъ Думбаръ

не могъ воздержаться отъ сильнаго волненія. Ужасная блѣдность замѣнила въ одну минуту слабый румянецъ возснаносяющагося здоровья ; взоры , въ коихъ изображались яростіе и мщеніе, казалось, хотѣли поглотить ненавистный предметъ , находившійся передъ ними. Синія и дрожащія губы оспались до половины открытыми. Онъ ужасно заскрыпѣлъ зубами и въ то же время схватилъ правою рукою кинжалъ , сокрытый подъ его плащемъ.

Губерно , наблюдавшій за нимъ , схватилъ его за руку, а другою зажалъ ему ротъ для остановленія проклятій , топоящихся изъ него пролились. Безъ сей предосторожности монахъ бросился бы на своего непріятеля и умертвилъ бы его.

Гондецъ пошчасъ исчезъ, по обожженію. Тогда монахъ, глубоко вздохнувъ, оставилъ кинжалъ и произнесъ тихимъ голосомъ многія проклятія своему Насвоятелю. Наконецъ успокоился онъ мало по малу и обѣщалъ Губерну имать болѣе духу въ другой разъ и воздержаться отъ всего, что бы могло опдалить успѣхъ предрїятія ихъ.

Подумавъ съ минушу, Авинцо предложилъ схватить отца Аббапа въ подземельяхъ и принудить его освободить молодую незнакомку, и потомъ отвести его въ безопасное мѣсто, для произведенія справедливаго наказанія, которое заслуживали его пресупленія.

„Берегись такой неоспорожности, обѣщаль монахъ; вспомни, что черезъ два часа монахи будутъ дожидать-

ся своего Настоятеля къ ночной молитвѣ, Описавшіе его въ тревожнѣе преданныхъ ему. Самые скорые поиски будущи сдѣланы; и вмѣсто того, чтобы успѣнъ намъ въ своемъ предпріятіи, будемъ мы сами захвачены.“

Джонъ Думбаръ совѣтовалъ напротивъ того подождать, пока Настоятель взойдетъ въ галлерей другою дорогою; и спрячется въ виду потаенной лѣстницы главнаго олтаря, пока та минуша настанеть.

Они взяли лампаду, пошли къ главному олтарю, сдвинули свѣтлую панель и сошли подъ сводъ; рѣшась дожидаться въ семь мѣсцѣ ухода Настоятеля.

Монахъ не преспавалъ удивлятися легкости, съ какою Авиинцо предлѣвалъ все препякшвія и проходиль

сквозь сокровеннѣйшія мѣста монастыря; но благоразумный юноша не разсудилъ за благо увѣдомить, какимъ образомъ узналъ онъ ихъ.

Между тѣмъ Джонъ Думбаръ, закушавшись въ плащъ, съ мрачною физіогноміею и опухшими глазами, задумался. Одна спрасль наполняла душу его, спрасль мщенія. Авиццо напрошивъ того, предаваясь любви, съ восторгомъ вспоминалъ ту минушу, когда въ первый разъ увидѣлъ прекрасную незнакомку, и заранѣе радовался, что будетъ имѣть щастіе изпортить ея изъ неволи, а можетъ быть и изъ челюстей смерти.

Посреди сихъ размышлений монахъ увѣдомилъ Губерта, что пора начать поиски. Сей послѣдній пошелъ въ свою очередь за проводникомъ

своимъ , который пошелъ въ одну изъ галлерей, оставленныхъ Авинцомъ въ споронѣ въ ту самую ночь , какъ нашелъ Джона Думбара.

Прошедши далѣе , нашли они каменную лѣспницу , вверху которой увидѣли узкій проходъ. Съ одной спороны была дверь , передъ которою монахъ остановился. Дверь сія была дубовая и до половины распворена. Онъ велѣлъ Губерпу молчать и вслушивался нѣсколько времени ; потомъ попихоньку отворилъ ее и далъ знакъ молодому человѣку идти за собою.

Губерпо повиновался. Монахъ , прошедши первую комнапу , остановился передъ другою дверью одинакаго размѣра и работы съ первою , но находившеюся въ пропиво-положномъ углу и совершенно запворенною.

Монахъ послушался при
 раза и прислушивался, но
 никакого шума не было. Че-
 резъ нѣсколько минушь уда-
 рилъ онъ въ другой разъ; все
 то же безмолвіе. Наконецъ
 сильно шолкнулъ онъ дверь, и
 она опворилась. Все было по-
 гружено въ глубокой темно-
 стѣ. Они вошли туда, и Гу-
 берто увидѣлъ, при свѣтѣ
 своей лампы, деревянную
 кровать, спуль и споль въ
 углу комнаты, на спѣнахъ
 обои, представлявшія пора-
 женіе Короля Гарольда и зна-
 менитую Гаспингскую бата-
 лію. Разсматривая сіи пред-
 меты, онъ не замѣнилъ спер-
 ва чувствительной перемѣны
 въ чертахъ лица Джона Дуй-
 бара, который, стоя подлѣ
 двери, изъявлялъ оными ужасъ
 и смятеніе души своей. Ави-
 до, обративъ на него взоры,
 замѣнилъ смятеніе его и

спросилъ о причинѣ онаго. По многихъ вопросахъ монахъ отвѣчалъ съ глубокимъ вздохомъ :

„Чудовище совершилъ свое преступленіе, — невинность мирно почиваетъ въ недрахъ вѣчности.“

— Великій Боже! вскричалъ Губерто, бросаясь къ монаху и схвативъ его за руку; и такъ она невозвратно пропала? —

„Можетъ быть еще и нѣтъ, возразилъ монахъ съ живостію. Успокойтесь, рыцарь, мнѣ извѣстна адская злоба Гондеца. Есть еще искра надежды, хотя надежда сія основана на звѣрствѣ его. Ободрились, Авинцо, и спускайтесь за мною.“

— Я пойду за тобою въ самый адъ! вскричалъ Губерто. Поспѣшимъ, ибо неизвѣстность всего мучитель-

нѣе ; что бы ни случилось со мною, но я готовъ слѣдовать за тобою. О Небо ! открой мнѣ, къ чему осужденъ я : къ щаспію , или на вѣчныя мученія терзающей горести. —

При сихъ словахъ сожалѣніе, казалось, погасило на минушу въ монахѣ жажду къ мщенію.

„Великодушный Губерто, сказалъ онъ молодому человѣку, кто не сжалился надъ твоею горестію ! Я чувствую въ своемъ сердцѣ сожалѣніе при видѣ твоихъ бѣдствій. Да ! поспѣшимъ. О естълибъ Богъ, Коего я столько оскорблялъ, услышалъ молитвы, мною возсылаемыя за моего избавителя !“

Они вышли поспѣшно изъ пустыхъ сихъ комнатъ, и Губерто съ лампадою въ рукѣ поспѣшалъ за Джономъ.

Думбаромъ. Онъ сошелъ съ лѣстницы подъ другой сводъ, который привелъ ихъ нечувствительнымъ склоненіемъ къ маленькому погребу, примыкавшему къ другому еще тише и ужаснѣе прежняго. Монахъ съ безпокойствомъ поспрѣлъ вокругъ себя, какъ бы ожидая видѣть въ семь мѣстѣ предметъ своихъ поисковъ. Тутъ находилась только тяжелая цѣпь, прикрепленная къ желѣзному кольцу, задѣланному въ стѣну. При видѣ сего уединенія Джонъ Думбаръ поблѣднѣлъ и выпустилъ вздохъ, отъ котораго Авинцо запрепешалъ.

„Не уже ли будемъ мы всегда обманываться въ надеждѣ своей? вскричалъ монахъ. Жестокій Гондецъ! не уже ли не испоргну я у тебя жерпны? О Боже! не допусти по

крайней мѣрѣ избѣжать ему моего мщенія.“

Монахъ закинулъ на плечо плащъ, сложилъ руки на крестъ и вышелъ медленными шагами изъ погреба въ положеніи человѣка, находящагося въ глубокомъ размышленіи.

Губерто слѣдовалъ за нимъ въ молчаніи съ душою, исполненною горести. Оба возвращались медленно назадъ и дошли до того мѣста, гдѣ раздѣлялись три галлерей со сводами. Вдругъ услышали они шумъ и вскорѣ узнали бой часовъ, возвѣщавшій полночь.

„Для сей ночи довольно, сказалъ монахъ; пора идти.“

— Какъ! не исполнивъ предпріятія? вскричалъ Губерто. —

„Необходимость прину- ждаетъ къ тому.“

— Жестокая судьба! воскликнулъ юноша со вздохомъ, взглянувъ на небо. —

Джонъ Думбаръ взялъ поваряща своего за руку и повелъ поспѣшь къ попаенной лѣспницѣ главнаго олшаря. Не слыща никакого шума, отворилъ онъ панель, прошелъ поспѣшно крылось и екрылся съ Авинцомъ въ часовиѣ. Едва успѣли они взойти шуда, какъ монахи вступили своимъ порядкомъ въ церковь. Впереди ихъ шель Настояшель, сложа руки крестобразно на груди своей, въ задумчивости, погруженный въ размышленія, конечно недостойныя священнои должности, копорую гошвился онъ исправлять.

Когда монахи спали на своихъ мѣснахъ по обѣимъ сторонамъ крылоса и началась служба, шо Авинцо и

Джонъ Думбаръ ушли изъ церкви и достигли благополучно хижины своего хозяина, предаваясь оба горестнымъ мыслямъ, произшедшимъ отъ худаго успѣха ихъ поимокъ.

Г Л А В А II.

Молчаніе Джона Думбара и неизвѣстность, въ которой, казалось, была погружена участь прекрасной незнакомки, наполняли душу Губерта самыми мрачными предчувствіями. Онъ провелъ время сна въ живѣйшемъ безпокойствѣ. Монахъ съ своей стороны былъ не спокойнѣе его. Посреди величайшаго развращенія Джонъ Думбаръ сдѣдался вдругъ жертвою жесточайшихъ поступковъ. Чудесно избавленный отъ мукъ ужасной смерти, сперва онъ

чувствовалъ одно необузданное желаніе мщенія; но душа его, потрясенная такимъ жестокимъ ударомъ, начинала смягчаться. Добродѣтель, копорой нѣсколько слѣдовъ оставалось еще въ его сердцѣ, приводила его мало по малу къ челоѵколюбивѣйшимъ чувствамъ. Онъ имѣлъ еще сильное желаніе предать гонителя своего справедливому, заслуженному имъ наказанію, но думалъ также заслужить милосердіе Божіе, копорого сильное дѣйствіе испыталъ онъ на себѣ, и загладить сколько можно содѣланныя имъ до сего беззаконія. Исполненный благодарности къ избавителю своему, не смѣлъ онъ открытъ ему всѣхъ своихъ опасеній, боясь поразить его симъ; съ сожалѣніемъ помышлялъ онъ объ опчаяніи, копорое произведеть въ немъ

нещастное окончаніе его предпріятія. Всѣ сіи причины прогнали сонъ опъ глазъ его.

Губерто вспаль на самой зарѣ, неперпѣливо желая положить конецъ жестокости своей неизвѣстности, и пошелъ къ монаху, который также вспаль уже и большими шагами ходиль по комнатамъ.

„Избавьте меня опъ ужаснаго безпокойства, сказалъ онъ монаху. Судя по мрачному и задумчивому вашему виду, несчастіе мое, кажется, совершилось. Заклинаю васъ, не скрывайте долѣ участи моей и освободите меня по крайней мѣрѣ опъ страшнаго мученія, преперпѣваемого мною.“

Джонъ Думбаръ посмотрѣль на спраждащаго юношу и отвращиль потчасъ взоры

свои, дабы избѣжатьъ проицательныхъ его взглядовъ.

„Вы ничего не отвѣчаете, продолжалъ Губерто; и такъ спало бытъ правда, что нѣтъ никакой надежды?“

„Еще разъ прошу тебя, благородный Авинцо, не предаваться отчаянію, отвѣчалъ монахъ со вздохомъ. Я знаю, какое участіе принимаетъ сердце швое въ этомъ приключеніи, и желаю опъ всего сердца, чшобы окончаніе онаго было согласно съ вашимъ ожиданіемъ. Но, ради Бога, успокойте волненіе души вашей; вскорѣ ужасная шайна объяснишся. Сію же ночь будете на верху блаженства, или въ безднѣ отчаянія.“

— Эта ночь, говорите вы, прекратитъ мои мученія? —

„Да, эта ночь рѣшитъ вашу судьбу,“ отвѣчалъ монахъ.

— Пусть располагаетъ ею Богъ, я покорюсь безъ ропшанія, сказалъ Губерто удаляясь. —

Въ продолженіи дня, показавшагося имъ смертельно долгимъ, Губерто и Думбаръ ни слова не говорили другъ съ другомъ. Между тѣмъ наступало время прибытія войскъ, которыхъ Авинцо просилъ у Короля Роберта Брюса. Во весь вечеръ Губерто не спускалъ глазъ съ моря. Солнце уже склонялось за горизонтъ, какъ показалось нѣсколько парусовъ, плывущихъ къ Оронцѣ; но вдругъ они исчезли и, прежде нежели послѣдніе лучи заходящаго солнца погасли въ волнахъ, все покрылось шуманомъ и мракомъ. Авинцо съ гореснію

осмотрѣлъ на возвратившихся рыбаковъ и выкладывающихъ ловлю свою на берегъ. Мало по малу мирные жиптели оспавили берегъ и вошли для успокоенія въ хижины свои. Тогда Губерто, неперпѣливѣ ожидавшій сей минуты, увѣдомилъ о томъ монаха, и оба пошли въ молчаніи къ попенной монастырской двери.

Послѣ обыкновенныхъ предосторожностей и прихода Гондеца, Губерто и Думбаръ сошли въ подземелья, рѣшась осмотрѣть всѣ закоулки ненависпнаго жилища сего.

Монахъ, оспавя въ споронѣ галлереею, осмотрѣнную прежде Губертомъ и шу, которую оба наканунѣ проходили, пошелъ въ прешью и повель спупника своего въ разныя залы и погреба, найденныя ими пустыми. Они оспанавливались особливо

въ самыхъ мрачныхъ и ужасныхъ мѣстахъ ; попомъ воропились назадъ и снова осмотрѣли все попадавшееся имъ на дорогѣ. Пришедши на первое мѣсто, Думбаръ оспановился и объявилъ Губертоу, что болѣе ходить некуда и что надобно оставить надежду.

Монахъ молчалъ, между тѣмъ какъ Авинцо, почти лишаясь чувствъ, прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Оба оспавались неподвижными и какъ бы уничтоженными довольно долгое время, какъ вдругъ глухой и опдаленный спукъ прервалъ глубокое безмолвіе въ подземельяхъ.

Губерто и Думбаръ невольно взглянули другъ на друга и обратили взоры на галереи, оканчивавшіяся у мѣста, ими занимаемаго. Они ничего не видѣли, даже никакого свѣта, хотя опголо-

сокъ сводовъ безпрестанно повторялъ спукъ. Губерто бросился на землю и приложилъ къ ней ухо. Онъ ясно различалъ шаги идущаго человека, которые, казалось, приближались, и узналъ съ удивленіемъ, что спукъ происходилъ изъ - подъ залы, въ которой находился онъ.

Авинцо сообщилъ Думбару свои подозрѣнія, и оба они скрылись поспѣшно и безъ всякаго шума въ одну изъ галлерей. Они спрятали лампаду свою и дожидались въ глубокомъ молчаніи, что произойдетъ изъ сего открытія.

Вскорѣ увидѣли они, что одинъ изъ широкихъ камней, составлявшихъ полъ погреба, въ которомъ прежде они были, началъ подниматься. Они увидѣли изъ - подъ него мабый свѣтъ, часъ отъ часу увеличивающійся; попомъ

изъ сего отверстія вышелъ человекъ. Это былъ Настоятель, вошедшій совершенно въ погребъ съ большою связкою ключей. Онъ положилъ камень опять на мѣсто и пошелъ, какъ по предвидѣлъ Думбаръ, подъ сводъ, пропивуположенный тому, который служилъ имъ убѣжищемъ и велъ другими дорогами въ обитаемую часть монастыря.

Удивленный Думбаръ увѣрялъ Губерта, что проходъ, которымъ вышелъ Гондецъ, былъ ему до сихъ поръ совершенно неизвѣстенъ. Новое сіе обстоятельство ободрило ихъ. Оба побѣжали поднять камень, который безъ труда сдвинули съ мѣста, и увидѣли глубокое подземелье, въ которое сошли тотчасъ по узкой лѣстницѣ.

Внизу лѣстницы находился тѣсный и низкій сводъ,

не имѣвшій никакого выхода ни вправо, ни влѣво, и въ концѣ кошораго нашли они чугунную дверь, копорую монахъ спарался тщетно отворить.

Джонъ Думбаръ сильно потрѣсь оную и ударилъ въ нее нѣсколько разъ. Плачевный и несогласный звукъ пошчасъ раздался подъ сводомъ, по прошествіи кошораго услышали они голосъ чловѣка, произнесшій съ прелетомъ сіи слова :

„Онъ возвращается, Боже! сжался надо мною.“

— Великій Боже! вскричалъ Думбаръ; это она, Гурберто, это та, копорую ты ищешь. . . . —

„Боже! Боже! сжался надъ нами, продолжалъ опять голосъ; защитице насъ, или мы погибнемъ.“

Въ то же время плачевные стоны и пронзительные вопли разтерзали душу Губерта.

Онъ бросился къ двери и вскричалъ пронзительнымъ голо-
сомъ :

„О несчастная! успокойся : это избавишь твоя, вѣрный Губерто Авинцо, пришедшій изпоргнуть тебя изъ ужаснаго сего заключенія.“

Авинцо и поварищъ его старались снова поколебать пагубную дверь; но она оставалась неподвижною, и огромные запоры ея едва прогались съ мѣста отъ соединенныхъ усилій ихъ.

„Божественное Провидѣ-
нiе ! какъ освободишь ее! ска-
заль Губерто. Я въ отчаянiи!“

Думбаръ умолялъ Губер-
та уйди и оставишь до слѣ-
дующей ночи ужасное ждан-

ще сіе; но послѣдній не внималъ просьбамъ и увѣщаніямъ своего товарища. Разсудивъ наконецъ, что естли Гондецъ увидитъ его, то гибель его и любовницы будетъ неизбѣжною, и чувствуя нужду посовѣтоваться съ Джономъ Думбаромъ о мѣрахъ къ освобожденію незнакомки, Авинцо согласился на предсказанія монаха оставить монастырь и возвратиться въ слѣдующую ночь для исполненія безпрепятственно великодушнаго своего предпріятія. Губерто въ отчаяніи хотѣлъ по крайней мѣрѣ увѣдомить несчастную плѣнницу о новыхъ покушеніяхъ, на которыя хотѣлъ онъ рѣшиться для ея освобожденія. Онъ просилъ ее принять перлѣне и ввѣриться любви его.

Незнакомка отвѣчала ему живѣйшими благодареніями и

заклинала не подвергать своей жизни безразсудно опасности.

„Великодушный рыцарь! присевокупила она въ концѣ, есѣли опасность не отвращаетъ васъ отъ сего предпріятія, то поступайте по крайней мѣрѣ съ благоразуміемъ и, есѣли можно, поспѣшите, потому что дальнѣйшее замедленіе прекратитъ, безъ сомнѣнія, жизнь мою и другой жертвы, заключенной со мною въ сей темницѣ, которая находится теперь почти при послѣднемъ издыханіи.“

Новость сія удивила Гурберта; безпокойные взоры его вопрошали монаха, и онъ готовился спросить о томъ незнакомку; но Думбаръ снова побуждалъ его удалиться и представлялъ ему, что время дорого и что они у-

знають сію тайну чрезъ нѣскольکو часовъ.

Безпокойство и смущеніе Авицца не позволили ему выразитъ незнакомкѣ различнымъ чувствъ, производившихъ въ душѣ его. Впрочемъ же и товарищъ понуждалъ его безпрестанно; но прежде ухода своего осмопрѣлъ онъ со вниманіемъ пагубную дверь, чптобы узнать, можно ли ее выломить, или приподнять. Сіе разсмотрѣніе послужило только къ тому, чптобы убѣдитъ его въ несчастіи и безсиліи, потому что дверь была сдѣлана такъ искусно, что, не смотря на всѣ усилія и средства, не возможно было двумъ человекамъ опшворить ее безъ ключей, которые звѣрскій Гондецъ носилъ всегда съ собою.

Губерто, приведенный кочши въ опчаяніе, рѣшилъ

ся наконецъ идиши, испустивъ тяжкій вздохъ, на которъй опивѣчала и оставляемая имъ несчастная жертва. Джонъ Думбаръ привелъ его, взявъ за руку, къ пощаенной лѣспницѣ, а ему казалось, что слышитъ еще любезный голосъ, призывающій къ нему благословенія Небесъ. Медленно взобрались они на лѣспницу, взошли черезъ опверстіе въ верхній погребъ и положили закрывающій оное камень опять на мѣсто; потомъ пришли въ церковь, ожидали нѣсколько времени въ часовнѣ благопріятной минуны уйши въ галлерей и достигли наконецъ своего жилища на берегу острова.

Г Л А В А III.

Упомненные приключеніями и безпокойствами вчерашняго дня, Губерто и Джонъ Думбаръ разошлись, рѣшась завтра подумать, какими бы средствами преодолѣть новыя вспрѣшившіяся имъ препятствія. Губерто предался на нѣсколько минушь безпокойному сну. Седьмой часъ уже пробилъ, какъ Джонъ Думбаръ вошелъ къ нему въ комнату и увидѣвши, что увидѣлъ на морѣ корабль, плывущій къ остро-ву Оронцѣ.

А в и н ц о вскочилъ при семъ извѣстіи. Онъ подбѣжалъ къ окну и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ вдали малое судно, по видимому иностранное. Число войскъ, ожидаемыхъ имъ изъ Шотландіи,

требовало для переевоза ихъ многихъ кораблей, а эпошь былъ одинъ и впроемъ, казалось, плыль на Югъ. По многимъ догадкамъ о назначеніи сего судна, Губерто и Джонъ Думбаръ сообщили другъ другу о планахъ, начертанныхъ ими для наступающей ноши.

Монахъ предложилъ сперва достать большой ломъ для разбиенія двери; но замѣчанія Авинца скоро показали ему, что средство сіе недостаточно. Они долго думали о приисканіи удобнѣйшаго средства. Наконецъ Губерто сказалъ :

„Такъ какъ единственное средство войши въ сей погребъ есть ключъ, копорой Гондецъ хранилъ у себя, то надобно завладѣть имъ. Что значитъ личная наша безопасность въ сравненіи спра-

даній оскорбленной добродѣтели? Надобно на все отважиться; надобно сію же ночь принудить Гондеца отдать намъ ключъ, безъ котораго не можемъ мы получить никакого успѣха.“

— Есѣли намъ не удастся, отвѣчалъ монахъ, помолчавъ минушу, то все пропало. —

„Это правда, отвѣчалъ Губерто; но есѣли одно только сіе средство можетъ привести насъ къ цѣли, то мы не должны колебаться. Впрочемъ всякое другое невозможно, или равно опасно, и намъ не должно мѣшкать, потому что Гондецъ можетъ каждую минушу уйти и погубить обѣ жертвы.“

— Я не прошивлюсь болѣе, отвѣчалъ монахъ. Сію же ночь схватимъ мы изверга. Онъ увидитъ, что Небо

Часть III. Г

сохранило мнѣ жизнь для наказанія его и отмщенія за себя. —

Хотя корабль, примѣченный имъ на морѣ, подходилъ чувствительно къ берегу, однако ничто не показывало, чтобы онъ ѣхалъ изъ Шотландіи. И такъ они согласились привезти двухъ освобожденныхъ ими плѣнныхъ скрыпными пупьями на барку, привезшую Губерта на островъ, и приготовить ее къ принятію ихъ въ полночь. Они положили также намѣреніе, для предупрежденія всякой опасности, схватить Гондеца и въ то же время посадить на барку, для привезенія въ Шотландію и преданія справедливой строгости законовъ.

Между тѣмъ означенное судно прибыло къ острову Оронцъ въ половинѣ дня и

спало на якорь неподалеку отъ жилища Авинца. Желая знать, откуда оно и за чѣмъ сюда пріѣхало, онъ послалъ провѣдать о томъ своего хозяина. Рыбакъ, возвратясь черезъ два часа, сказалъ ему, что корабль сей пріѣхалъ изъ Ипаліи и отправилъ на лодкѣ къ острову челоуѣка, который тотчасъ пошелъ въ монастырь Святаго Колумба съ бумагами къ Настоятелю.

Авинцо спросилъ, посѣщали ли когда нибудь такіе корабли островъ Оронцу; но знакъ, сдѣланный ему Джономъ Думбаромъ, вошедшимъ въ комнату, далъ понять ему, что монахъ по сему предмету можетъ дать ему важнѣйшія сообщенія, нежели рыбакъ. И такъ онъ скоро нашелъ предлогъ удалитъ послѣдняго и оспался одинъ съ Джономъ Думбаромъ.

„Нѣтъ сомнѣнія, Авинцѣ, сказалъ монахъ, что прибывшій корабль назначенъ для отвезенія изъ Оронцы Гондеца и сокровищъ его. Злодѣй знаетъ, что дальнѣйшее пребываніе на семь островѣ будетъ для него опасно послѣ поступка его съ Королемъ Робертомъ Брюсомъ. Впрочемъ онъ имѣетъ много средствъ узнать разположенія Шотландскаго Двора и конечно увѣдомленъ о намѣреніи схватить его; словомъ, все предвѣщаетъ рѣшительный ударъ. И такъ мы не должны терять времени, еслии хотимъ предупредить Гондеца, и эта ночь должна все кончиться.“

Джонъ Думбаръ былъ пораженъ мыслию, что Настоятель неопытно увезетъ съ собою и плѣнницу, но не смѣлъ открытъ своихъ подо-

зрѣній Губерну, опасаясь побудить его на какой-нибудь безразсудный или дерзкій поступокъ.

Слова монаха увеличили безпокойство Авинца. Онъ не могъ скрыть отъ себя невозможности прошившись силою отъѣзду Гондеца, естъ-ли онъ захочетъ ухватъ сію же ночь, и корабельному экипажу, которой конечно принялъ бы его сторону. Условясь съ Думбаромъ, послалъ онъ рыбака присматривать за движеніями корабельныхъ служителей и велѣлъ оставшемуся слугѣ спать на опушкѣ лѣса и осматривать внимательно всѣхъ выходящихъ изъ монастыря и пошчасъ ему давать знать.

Честный рыбакъ, награжденный уже нѣсколько разъ Губерномъ и увѣренъ будучи, что дѣло идетъ о чемъ-ни-

Будь важномъ, хопѣль въ семъ случаѣ показати свое усердіе благодѣшелю. Онъ на-
 клалъ въ большую корзину
 лучшихъ припасовъ, состоя-
 щихъ въ сушеной рыбѣ, ли-
 цахъ и пирогахъ, и пошелъ
 на берегъ. Тамъ подождаль
 онъ возвращенія посланнаго
 въ Аббасисство Святаго Ко-
 лумба и просилъ позволенія
 сѣсть въ его лодку. Когда
 онъ приплыль къ кораблю,
 то предложилъ въ подарокъ
 припасы свои Капитану,
 который принялъ ихъ и въ
 замѣну того велѣлъ дати ему
 нѣскольکو сухихъ плодовъ
 своей земли, и кромѣ того
 позволилъ ему отобѣдать на
 кораблѣ. Различіе языка за-
 труднило сперва рыбака;
 однако онъ понялъ, что ко-
 рабль ѣдетъ завтра на раз-
 свѣтъ дня въ Италію. Едва
 узналъ онъ сіе, какъ послан-

ный повезъ опять въ Аббатство новыя депеши отъ начальника. Рыбакъ воспользовался симъ случаемъ и оставилъ корабль; онъ простился весело съ матросами и благополучно прибылъ къ острову Оронцъ.

Онъ потчасъ явился къ Губерну и объявилъ ему слышанное имъ. Сей наградилъ его за усердіе и спалъ спокойнѣе, узнавъ, что Гондецъ не спѣшилъ отъѣздомъ. Черезъ минуту слуга пришелъ сказать Губерну, что матросы Испаліянскаго корабля вышли изъ монастыря съ большими сундуками. Джонъ Думбаръ объявилъ потчасъ навѣрное, что въ сундукахъ оныхъ находились сокровища корыстолюбиваго Гондеца.

Къ вечеру примѣтили четыре большихъ корабля, плывущихъ со стороны Шеп-

ландіи къ острову Оронць. Обрадованный Авиинцо заключилъ, что Лордъ Валперъ получилъ письмо его и что корабли сіи привезли войско Короля Роберта Брюса. И такъ онъ послалъ слугу своего на берегъ съ письмомъ и предписаніями къ начальнику корабля, приказавъ ему дожидаться, пока они выйдутъ на берегъ, и проводить ихъ проселочными дорогами къ Аббатству, куда должны были они взойти хитростию или силою, между тѣмъ какъ Губерто и Джонъ Думбаръ, вошедши въ монастырь черезъ подземелья, отнимутъ ключи у Гондеца, а самого его схващятъ.

Рыбакъ также получилъ приказаніе плыть тотчасъ на встрѣчу Шотландскимъ кораблямъ и проводить ихъ между подводныхъ камней,

которыя темнота ночи дѣла-
ла еще опаснѣйшими.

Бухта, въ которой Италі-
янскій корабль спалъ на яко-
рѣ, была открыта на Югъ.
По правую сторону цѣпь вы-
сокихъ и далеко вдавшихся
въ море горъ закрывала отъ
него совершенно Шотланд-
скіе корабли, шедшіе съ Во-
сшока, такъ что онъ ни ма-
ло не воображалъ о силахъ,
къ оспрову приближающих-
ся. Безъ этого обстоятель-
ства начальникъ его не пре-
минулъ бы увѣдомить Гон-
деца, который, безъ сомнѣнія,
поспѣшилъ бы своимъ отъ-
ѣдомъ и сдѣлалъ бы всѣ раз-
поряженія Авинца бесполез-
ными. Италіянскій экипажъ
былъ напрошивъ того въ со-
вершенномъ покойствіи и
предавался веселію, ожидая
минуны къ поднятію пару-
совъ.

Авинцо съ своей споре-
ны сдѣлалъ нужныя приго-
повленія, чтобы идти въ
Аббашство Святаго Колумба.
Несперпѣливостъ видѣшь шу,
копороу поклялся онъ въ не-
нарушимой вѣрности и са-
мой пламенной любви, надеж-
да спасти ее наполняли его
радостію и безпокойствомъ
и не давали ему времени по-
думать о странномъ откры-
тіи другой жерпвы, копо-
рую онъ также долженъ былъ
освободить и защитить отъ
ярости свирѣпаго Гондеца.

Вдругъ Джонъ Думбаръ
вошелъ въ его комнату. Онъ,
по видимому, очень былъ за-
нятъ; однако лице его было
веселѣе обыкновеннаго. Все
показывало, что онъ хотѣлъ
ему сообщить нѣчто важное.

„Авинцо! сказалъ онъ
ему, я размышлялъ о пред-
пріятіи сей ночи. По види-

тому, это будетъ уже послѣднимъ посѣщеніемъ монастыря и должно бытъ рѣшительнымъ; однако успѣхъ невѣренъ и средства, на которыя мы рѣшились, опасны. Но не опасностію спрашиваешь меня. Когда двое несчастныхъ, можетъ быть погибающихъ уже, требуютъ нашей помощи; когда избавитель мой самъ презираешь всѣмъ для спасенія ихъ: то я не долженъ спрашиваться подвергать опасности жизнь, которую ему обязанъ, но могу по крайней мѣрѣ стараться облегчить успѣхъ, отъ котораго, кажется, зависитъ счастье остальныхъ его дней. И такъ выслушай, Губерно, новое принятое мною намѣреніе:

„Спаринное преданіе, происхожденіе котораго мнѣ неизвѣстно, носитъ по Оронц-

скому монастырю и всему острову, что одинъ день въ году, спуся часть по ночной молитвѣ, шѣнь рыцаря, преслѣдуемая многими дьяволами и окруженная пламенемъ, является въ галлерейхъ Аббатства и ходишь по разнымъ мѣстамъ.“ . . .

— Не рыцарь ли краснаго оружія? прервалъ Губершо. —

„Точно. Развѣ вы знаете эту исторію?“ спросилъ монахъ.

— Я помню, отвѣчалъ Губершо, что читалъ заглавіе оной въ древнемъ манускриптѣ на пергаменѣ — покрытомъ пылью — вечеромъ, какъ я остановился въ одной изъ монастырскихъ залъ. Живопись, украшавшая сей манускриптъ, особливо возбуждала мое любопытство. Вы помѣшали мнѣ продолжати

чшеніе ; но то , что удалось мнѣ прочесть , сильно поразило мое воображеніе . —

„Спрахъ и суевѣріе , продолжалъ монахъ , прибавили къ сему явленію самыя вздорныя подробности , такъ что въ попъ день , когда оно должно случиться , всѣ жителямъ монастыря бывающъ въ величайшемъ ужасѣ . Нынѣшнею ночью должно оно возобновиться . И такъ я рѣшился воспользоваться симъ обстоятельствомъ . Я знаю , что Гондецъ давно уже покинулъ всякое чувство благочестія ; однако сознание въ пресупленіяхъ терзаетъ сердце его . Онъ твердо увѣренъ , что я погибъ съ голоду , потому что употребилъ всѣ средства , какія могла внушить ему жестокость , дабы я не избѣжалъ его мщенія . И такъ я надѣюсь , что

внезапное появленіе мое посреди ночи и уединенія въ такое торжественное время произведеть надъ нимъ столь ужасное впечатлѣніе, что онъ не въ состояніи будетъ намъ сопротивляться. Такимъ образомъ мы легко его схватимъ и потомъ освободимъ отъ жертвы.“

Восхищенный сею мыслию, Губерто съ живостию благодарилъ монаха и предался снова сладчайшей надеждѣ. Наконецъ, согласившись съ Джономъ Думбаромъ и сдѣлавши распоряженія, внушенныя его благоразуміемъ, онъ вооружился и пошелъ къ потаенной двери монастыря.

Г Л А В А IV.

Солнце, сіявшее съ самаго восхожденія своего, померкло къ вечеру и закрылось густыми облаками. Луна едва проницала мелькающими лучами своими мрачное покрывало сіе. Губерно и повариха его, развлеченные мыслями, дошли до дверей подземелья, не замѣпя грознаго вида облаковъ. Изъ погребовъ, назначенныхъ для погребенія, прошли они подъ каменнымъ олтaremъ и поспѣшили къ рѣшеткѣ, ведущей въ галлерею.

Губерно хопѣлъ уже взойти на лѣспницу, но Думбаръ останоилъ его за руку и сказалъ ему :

„Авинцо ! я оставляю васъ, потому что на семь мѣспѣ рѣшилъ ожидать Гондеца. Ставши за сею рѣшет-

кою, мнѣ легко будетъ вдругъ показаться и поразить своимъ присущивіемъ, когда онъ пойдетъ въ галлерей. Вы же, Авинцо, сойдите въ подземелья и утѣшайте двухъ несчастныхъ, ожидающихъ васъ конечно съ живѣйшею неперпѣливостію. Я поспѣшу къ вамъ, овладѣвши ключами. Не безпокойтесь обо мнѣ. Надѣюсь, что правосудный Богъ окажетъ помощь въ нашемъ предпріятіи. Но еслили угодно Ему, чпобы я погибъ; еслили находить меня недоспойнымъ способствоватьъ къ избавленію невинности: то вы по крайней мѣрѣ имѣете надежное убѣжище и можете одни, или съ помощію ожидаемыхъ вами солдатъ опмститъ за обоихъ насъ безчестному Гондецу и освободить прекрасную незнакомку.“

— Я чувствую цѣну услуги, отвѣчалъ ему Губерто, которую вы хошите мнѣ оказать; каковъ бы ни былъ успѣхъ, положитесь на вѣчную мою благодарность. Я оставляю васъ, потому что вы пребудете этого. Что же касается до Гѣндеца, то будьте увѣрены, что еслили избѣжитъ онъ вашихъ рукъ, то не уйдетъ отъ меня. —

Съ сими словами Губерто оставилъ монаха, побѣжалъ на лѣстницу и достигъ галлерей; потомъ вошелъ въ церковь и скрылся въ малой часовнѣ, ожидая, пока пройдетъ Аббатъ.

Все предвѣщало бурную ночь. Небо было покрыто глубокимъ мракомъ. Сильный вѣтеръ, предшесивующій бурѣ, начиналъ душь и крѣпко стучалъ окнами часовни. Авинцо, сидя у подножія ол-

таря, вслушивался иногда и пошчасъ оляшь задумывался, досадуя, что часы шли слишкомъ медленно. Между тѣмъ гроза наступала и черный воронъ, махая шумными крыльями въ сосѣднемъ лѣсу, пронзительно и жалостно кричалъ, какъ бы предвѣщая поржеспвенный часъ, въ которой адскіе духи оспавляють мрачныя свои жилища и наполняють воздухъ печальнымъ ревомъ. Въ церкви все было тихо и безмолвно; ничто не прерывало глубокаго въ ней молчанія и ужаснаго уединенія, кромѣ глухаго рева грозы, крика совъ и лепанія непопырей, поржавшихъ около черныхъ сполбовъ и задѣвавшихъ по временамъ перепончатými своими крыльями за огонь, лампадъ. Неподвижный Авинцо смопрѣль приспально на лам-

паду, зажженную нарочно въ сей день посрединѣ церкви. Голубоватый огонь ея, мельканіе коего едва освѣщало каменный полъ храма, свистъ вѣтра, карканье вороновъ, наконецъ всѣ предметы, окружавшіе его, наполнили душу Губершова тайнымъ ужасомъ.

Часъ наступалъ, а Настоятель не появлялся. Вдругъ Авинцо услышалъ съ удивленіемъ, что въ Аббатствѣ пробило одиннадцать часовъ. Время, въ которое Гондецъ по обыкновенію сходилъ въ подземелья, давно уже прошло. Губершо очень встревожился. Можетъ быть Гондецъ узналъ о прибытіи Шотландскихъ войскъ; можетъ быть онъ и уѣхалъ уже, для избѣжанія ожидаемаго имъ наказанія. Но безпокойство его особливо сдѣлалось несноснымъ, когда онъ взду-

маль, что извергъ можетъ быть увезъ съ собою несчастную плѣнницу Аббатства Святаго Колумба.

При сей мысли первымъ движеніемъ Губерта было бѣжать потчасъ изъ монастыря и узнать, что дѣлается внѣ онаго. Но подумавъ, что предусмотрительный Думбаръ принялъ всевозможныя мѣры для воспрепятствованія побѣгу Гондеца и что опрядъ Шотландскихъ солдатъ находится близъ берега, ежели еще не на ономъ, успокоился и рѣшился не оставлять своего убѣжища. Вскорѣ ударилъ колоколъ, и черезъ нѣсколько минутъ Губерто услышалъ, что монахи идутъ по галлерей, всходятъ по ступенькамъ въ церковь и приближаются наконецъ въ обыкновенномъ порядкѣ къ крылосу.

Авинцо осматривалъ ихъ всѣхъ поодиначкѣ со вниманіемъ и весьма испугался, не замѣпя между ими опца Аббата. Опсупствіе его подшвердило мысль, что онъ убѣжалъ съ острова Оронцы.

Когда монахи спали по мѣстамъ на крылосѣ, по ночная служба началась. Тогда Губерто предался совершенному безпокойству. Онъ не зналъ, идти ли ему опять въ погребальныя подземелья и опсавить Аббатство, или ждасть конца службы, чтобы сойти подъ своды и уиѣшить двухъ несчастныхъ, шамъ заключенныхъ. Послѣ многихъ размышленій желаніе узнать, находися ли еще незнакомка въ своей темницѣ, заспавило его принясть послѣднее намѣреніе.

Наконецъ пѣніе кончилось, и монахи оставили церковь въ такомъ же порядкѣ, какъ вошли въ оную. Губерто замѣшивъ у нихъ на лицѣ страхъ и смятеніе, которое, подумавши о томъ, приписалъ ожидаемому сею же ночью появленію пѣни рыцаря краснаго оружія. Губерто хотѣя и подаль многократныя опыты непоколебимой храбрости, однако и самъ былъ не очень спокоенъ. Толикую власть имѣла надъ его сердцемъ вѣра и страхъ небеснаго мщенія! Но невинность и чистая неупрекаемая совѣсть скоро его ободрили. Помолясь за упокой души рыцаря, онъ взялъ лампаду и подошелъ къ главному олтарю, чтобы сойти въ подземелья.

Внезапное размышленіе остановило его. Снѣ хотѣлъ узнать напередъ, что сдѣла-

лось съ Джономъ Думбаромъ, и увѣдомилъ его о необыкновенномъ отсутствіи Настоятеля. И такъ поспавилъ онъ лампаду на свое мѣсто и вышелъ опорожно изъ церкви.

Онъ шелъ тихо по галлерей. Никогда не было ночи такъ темной. Вѣтеръ свистѣлъ съ ужасною яростію, и продолжительный ревъ его раздавался по сводамъ. Уже Губерто подходилъ къ рѣшеткѣ подземелья, какъ сильная молнія освѣтила галлерей и показала ему предметъ, коего неожиданный видъ поразилъ его удивленіемъ и ужасомъ: высокое привидѣніе, окутанное съ головы до ногъ въ широкую бѣлую просыпную, спяло у входа полуотворенной рѣшетки, просянувъ руку и прислонясь къ стѣнѣ. Въ то же время часы пробили пол-

ночь. По словамъ Думбара, это былъ часъ страшнаго явленія. Когда просяжный звонъ исчезъ въ воздухъ, по сильному удару грома, казалось, поколебалъ Аббатство въ основаніяхъ его.

Невольный ужасъ объялъ Губерша. Онъ оспавался нѣсколько минулъ неподвижнымъ, обрапя глаза на рѣшешку, копорой не могъ болѣе видѣть по причинѣ темноты. Опомнясь и спыдясь своей слабости, пошелъ онъ впередъ. Другая молнія, сильнѣе первой, показала ему ясно по же привидѣніе уже за рѣшешкою въ положеніи человека, копорой хочеть идти. Голова страшиллица, совершенно закрытая складками покрывала, была обращена одною спороною къ Губершу. Одною рукою дѣлало оно, по видимому, знакъ,

чтобы онъ не шелъ за нимъ, другою показывало на прошивную сторону галлерей.

На сей разъ Губерто принужденъ былъ повѣришь глазамъ своимъ; волосы спояли у него на головѣ дыбомъ, и холодный потъ выступилъ по всему тѣлу. Однако рѣшась, презирая все, догнавъ, естли можно, привидѣнне, онъ хотѣлъ идти впередъ; но другой ужасной ударъ грома, за которымъ послѣдовалъ страшный крикъ съ другой стороны галлерей, снова остановилъ его. Въ то же время шуское и красное пламя, подобное подземному огню, освѣщило аркады. Преодоленный тайною силою, Авинцо палъ на колѣни, и трепещущія уста его просили покровительства Божія.

Между тѣмъ сильная гроза разразилась надъ Аббат-

ствомъ. Древніе верхи его
 трещали отъ порывовъ яр-
 стнаго вихря и пошковыхъ
 дождя и града, сопровожда-
 емыхъ непрерывною молніею.
 Удары грома слѣдовали безъ
 остановки одинъ за другимъ
 и ужасно раздавались по дво-
 ру и подъ сводами. Можнобъ
 повѣришь, что небо обру-
 шилось на землю и что весь
 міръ будетъ подавленъ раз-
 валинами его.

Авинцо лежалъ нѣсколь-
 ко времени распростершій.
 Оживленный скоро молитвою
 и воспоминаніемъ любезной
 плѣнницы, онъ вспалъ, вы-
 нулъ шпагу и пошелъ съ
 твердосію въ намѣреніи о-
 смодрѣть внутренность гал-
 лерей. Когда онъ подходилъ
 къ рѣшеткѣ подземелья, нахо-
 дившейся въ одномъ углу, по
 слабый огонь освѣтилъ стѣ-
 ны, и новые вопли поразили

слухъ его. Авинцо обернулся и увидѣль на другомъ концѣ спрашилище, одѣтое въ красную маншію, бѣгущее съ ужасомъ къ пропивному углу. Другая гнусная фигура, вооруженная змѣями, бѣжала за нимъ, попрысая двумя зажженными факелами, и, казалось, сильно его поражала.

Губерто побѣжалъ туда, но вдругъ раздался ужасный крикъ, и огонь пересталъ свѣпшпшь. За симъ шумомъ послѣдовало минушное молчаніе, во время коего раздраженный голосъ произнесъ ясно сіи слова :

„Спой ! . . . узнаешь ли меня ? . . . спунай въ адъ со мною ! . . .“

Глаза Авинца ослѣпились потчасъ яркимъ свѣпомъ, за кошорымъ вскорѣ послѣдоваль глубокій мракъ.

Пораженный ужасомъ, Губерто чувствовалъ, что лишается силъ; онъ стоялъ нѣсколько времени прислонясь къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Но неизвѣстное чувство возвратило ему храбрость и ускорило шагами его. Подойдя къ мѣсту, гдѣ исчезли сіи предметы, Авиццо нашелъ монаха Святаго Колумба, разпростершаго на полу ничкомъ. Какъ велико было его удивленіе, когда при свѣтѣ молніи узналъ въ семъ монахѣ свирѣлаго Гондеца, по видимому мертваго! Ноги и руки его были связаны и, какъ казалось, наскоро. Губерто, осматривая его, увидѣлъ подлѣ него по одну сторону огромную связку ключей и дымящуюся еще лампаду, безъ сомнѣнія выпавшую изъ его рукъ, по другую большое бѣлое покрывало, подобное

тому, какое видѣлъ онъ сперва у привидѣнія, и большой кинжалъ, вынутый изъ ноженъ. Въ ту самую минушу Гондецъ глубоко вздохнулъ, и смѣшанный шумъ походки и голосовъ приближался къ галлерей. Авинцо, опасаясь, чтобы его не заспали, схватилъ ключи и кинжалъ, ушелъ въ церковь и заперъ дверь въ оную за собою; потомъ взялъ лампаду, сошелъ подъ главный олтарь и пошелъ прямо къ камню, закрывавшему входъ въ подземелья. Положивши его на мѣсто за собою, сошелъ онъ поспѣшно со ступенекъ и прибѣжалъ къ желѣзной двери, находившейся въ концѣ свода. Дрожащею рукою попробовалъ онъ многіе ключи, и наконецъ удалось ему повернуть одинъ изъ нихъ въ огромномъ замкѣ. Преодолевши сіе препятствіе, нешерпѣли-

вый юноша бросился въ пещеру и прижалъ наконецъ къ своему сердцу любезный предметъ нежности своей, прекрасную незнакомку часовни Святаго Колумба.

Молодая дѣвица, пораженная ужасомъ, удивленіемъ и радостію, упала въ обморокъ въ его объятіяхъ. Долго Губерто держалъ ее у груди своей, смотря на блѣдныя щеки ея, имѣя душу снѣдаемую любовью и безпокойствомъ. Наконецъ лице ея начало оживляться, и сильное бѣненіе сердца возвѣспило возвращеніе чувствъ и жизни. Скоро потомъ открыла она глаза и бросила на любленаго юношу взоръ, исполнившій его счастья и надежды.

„Это вы, Авинцо?“ сказала она ему.

— Такъ, отвѣчалъ Губерто, это Авинцо, обожающій

васъ, Авинцо, котораго Небо избрало для освобожденія вашего изъ сего страшнаго жилища и для возвращенія свѣту, которой вы должны собою украшать. —

Другой взглядъ незнакомки еще нѣжнѣе перваго опблагодарила избавившеля. Потомъ показала она ему рукою другой уголь пемницы и просила юношу слабымъ и разпроганнымъ голосомъ освободишь другую жертву жестокости Настояшеля. Авинцо повиновался. Дѣвица пошла за нимъ и приблизилась къ толстой двери съ крѣпкими запорами.

„Бапюшка! сказала она громко, не бойпесь; Губерто Авинцо пришелъ насъ освободишь.“

— Губерто Авинцо! опбвчалъ почти умирающій голосъ; благословляю Тебя, Бо-

же! Ты посылаешь его къ намъ. —

Между тѣмъ Губерто, искавши нѣсколько времени нужный ему ключъ, опперъ дверь и вошелъ на порогъ съ незнакомкою, державшею въ рукѣ лампаду. Онъ увидѣлъ въ углу узкой темницы монаха Свяшаго Колумба, прикованнаго споймя къ спѣнѣ. Голова его томно клонилась на плечо, и силы, казалось, оставили его. Губерто подошелъ разсмотрѣть его.

„О Боже! вскричалъ онъ горестно, это опецъ Антоній!“

— Губерто! отвѣчалъ спарикъ, нѣжно смотря на него: любезный Губерто! да, это ты; какъ могъ я шакъ дѣло не узнать тебя! . . . —

Слабость не позволила ему говорить болѣе; онъ упалъ

почти безъ памяти въ объ-
ятія своего избавителя.

Между тѣмъ какъ прекра-
сная незнакомка помогала ему,
Авинцо, не теряя ни мину-
ты, старался освободить его
отъ оковъ. Онѣ были запер-
ты крѣпкимъ замкомъ. Авин-
цо отперъ его своими ключа-
ми и перенесъ несчастнаго
плѣнника въ другой погребъ,
гдѣ оказалъ ему всю завися-
щую отъ него помощь.

„Бапюшка! сказалъ ему
Губерно, ободрись; на-
дѣюсь, что спрэданія ваши
кончились.“

— Сынъ мой! отвѣчалъ
старикъ съ великимъ прудомъ,
любезный сынъ, потому что
я могу такъ называть тебя,
все забыло, когда Небо поз-
волило увидѣть тебя и об-
нять прежде смерти моей.
Увы! ты не узнаешь меня!
ты не узнаешь Алзарра! —

„Алзарра! Небо! какъ, вы Алзарръ? вскричала юноша, прижимая спарика къ сердцу; о родителъ мой, почтенный родителъ!“

Смѣшанный шумъ раздался вдали. Авинцо, рѣшась защищать до самой смерти двѣ драгоцѣнныя ему жертвы, взялъ оружіе и спалъ у входа въ пемницу, чпобъ не пускалъ никого въ оную. Скоро шумъ сдѣлался сильнѣе; яркій свѣтъ озарилъ лѣспницу, и Губерто узналъ издали на ступеняхъ Джона Думбара, сходящаго съ нихъ поспѣшно съ многочисленною толпою вооруженныхъ людей.

Думбаръ въ коропкихъ словахъ увѣдомилъ молодаго человека, что Гондецъ схваченъ и что Ишалиянскій корабль съ сокровищами его взялъ начальникомъ Шоп-

ландскаго опряда. Онъ чрезмѣрно удивлялся, увидѣвъ отца Антонія, не подозрѣвая ни мало, что онъ былъ заключень, и узнавъ отъ Губерта, сколько почтенный сей спарець имѣлъ правъ на нѣжность его. Оба, сообщивъ другъ другу нужныя подробности и поздравивъ себя взаимно съ щасливимъ успѣхомъ ихъ предпріяшя, отложили до удобнѣйшаго времени повѣсть о разныхъ приключеніяхъ, копорымъ сію ночь были они свидѣтелями, или дѣйствующими лицами. Наконецъ Авинцо, видѣвъ себя отъ радости и желая довершити освобожденіе двухъ заключенныхъ, велѣлъ солдатамъ нести на рукахъ спарика, копорому слабость не позволяла идти, и хотѣлъ самъ помочь прекрасной незнакомкѣ выдти изъ ужасной

темницы, въ которой она такъ долго спрдала.

Они спѣшили оставитъ подземелья и вышли изъ монастыря Святаго Колумба при свѣтѣ факеловъ. Всѣ благополучно прибыли къ рыбакамъ. Тамъ Губерто оказалъ старику нужную помощь и прилагалъ нѣжнѣйшія старанія о предметѣ постоян-ной любви своей.

Г Л А В А V.

Монаха Гондеца поспѣшью перевезли на Шотландскій корабль. Къ нему приславили караулъ и дали самое строгое приказаніе не допускать его ни съ кѣмъ говорить. Особливо приняли величайшія предосторожности, чтобы онъ не увидѣлъ Джона Думбара и

не имѣлъ подозрѣнія, что сей неоспоримый свидѣтель его преступленій еще сущесвуешь. Между тѣмъ объ опцѣ Антоніѣ, котораго будемъ мы теперь называть Алзарромъ, прилагали самыя усердныя и дѣйствительныя попеченія. Думбаръ, почитавшій себя обязаннымъ ему живѣйшею благодарностию и стараясь загладить прежніе свои пропуски совсѣмъ пропивнымъ поведеніемъ, оказывалъ величайшее уваженіе и безпреспанно сидѣлъ съ нимъ. Авинцо, опасаясь въ разсужденіи его жизни, не щадилъ ничего, чпобы ускорить его выздоровленіемъ, и исполнялъ обязанности нѣжнѣйшаго и почтительнѣйшаго сына.

Такое щастіе и столько радости наполняли душу спарика сладчайшими чувствами, и здоровье его получило бы-

спрый успѣхъ. Влюбленный Губерто не менѣе занимался и прекрасною незнакомкою, копорой опъ природы чувствительная и благородная душа предавалась каждый день болѣе удовольствіямъ взаимной спрассти и нечувствительно забывала жестокія муки, ея претерпѣнныя.

Любовь и молодость скоро опврашили опъ нее всякую опасность. Въ короткое время силы ея, испощенныя печалью и заключеніемъ, возвратились. Тогда захопѣла она видѣть товарища своего нещасія и раздѣлишь съ Губертомъ попеченія, копорыхъ требовали лѣша и здоровье старца.

Въ одинъ день, какъ они собрались всѣ подлѣ кровати Алзарра, она согласилась удовлетворить любопытству своего любовника, желавшаго

нестерпѣливо узнать исторію ея несчастій. Легкая краска покрыла лице ея; она скромно опустила взоры и начала слѣдующую повѣсть:

Исторія прекрасной незнакомки.

„Меня зовутъ Ронильдою. Я дочь храбраго Вей Фиць Аррана, помѣщика Замка Финлаганскаго, построеннаго на высокахъ острова Ислы, одного изъ Гебридскихъ, находящагося въ двадцати миляхъ отъ Оронцы. Оица моего лишилась я рано и съ братомъ своимъ осталась единственнымъ утѣшеніемъ матери, которую потеря супруга привела почти въ отчаяніе. До взрослыхъ лѣтъ нашихъ она имѣла къ намъ самую постоянную любовь и нѣжнѣйшія поличенія; но въ сію эпоху безрадостная смерть похитила

ее у нашей нѣжности и признательности. Чистая, благодарѣтельная душа ея вознеслась къ небу безъ угрызений совѣсти.

„Братъ мой, Сиръ Дональдъ Фицъ Арранъ, достигъ шестнадцати-лѣтняго возраста. Пріученный съ малолѣтства къ воинскимъ упражненіямъ, онъ управлялъ съ мудростію многочисленными подданными, оставленными ему нашими предками. Мы провели въ величайшемъ спокойствіи два года, въ теченіе коихъ многіе благородные рыцари сосѣдственныхъ острововъ искали руки моей; но сердце мое было свободно, и братъ мой, любивши меня нѣжно и не желая принудить меня, безъ пруда согласился ждать, пока я сама себя выберу жениха. Однако безразсудные льстецы разсла-

види мою красоту, слухъ о которой распространился скоро по Вестернскимъ островамъ и сдѣлался источникомъ всѣхъ бѣдствій, меня угнетавшихъ.

„Въ одну ночь (воспоминаніе оной всегда представляется моимъ мыслямъ), во время страшной грозы, услышала я подѣ окнами моей комнаты жалобный голосъ. Я побѣжала къ вѣропамъ Замка и упростила часоваго на башнѣ, чтобы онъ меня выпустилъ для оказанія помощи несчастному, пронувшему меня жалобами. Въ неперпѣливости своей я не подождала, чтобы онъ меня проводилъ. Самая черная измѣна была наградою моего челоѡколюбія. Когда я перешла черезъ ровъ Замка, то меня схватили незнакомые люди. Тщешно наполнила я воздухъ воплемъ:

они унесли меня почти умирающую въ барку и удалились на парусахъ и веслахъ отъ береговъ Ислы и древнихъ башенъ Замка Финлаганскаго. Скоро прибыли мы въ пустую бухту острова Оронцы. Оттуда привели меня дальними дорогами въ стѣны мрачнаго монастыря и заперли въ подземелье.

„Прошло нѣсколько часовъ, но никто не показывался. Мѣсто, гдѣ оставили меня, было освѣщено только одною лампадою, показавшею мнѣ весь ужасъ моего положенія. Наконецъ появился въ монашескомъ плащѣ одинъ изъ измѣнниковъ, которые въ одѣяннн Шотландскихъ мажпросовъ сдѣлали со мною такую ужасный насильственный поступокъ. Онъ принесъ ко мнѣ кушанье и ушелъ, не слушая моихъ жалобъ и не

хотѣвъ сказать, за чѣмъ меня путь заперли.

„Въ первомъ отчаяніи своемъ почивала я смерть единственнымъ средствомъ избавишься отъ мукъ; но небесная помощь и довѣренность къ Божескому правосудію ободрили меня. Я рѣшилась принять пищу, отвергнушую сперва горестію. Скоро душа моя, упомленная спраданіями, возымѣла нужду въ покоѣ. Я предалась глубокому сну, прерванному спухомъ заповровъ шюрмы моей. Это былъ Гондецъ, который, подошедши ко мнѣ, уведомилъ меня о власти своей въ семь монастырѣ и объявилъ безъ всякаго стыда порочныя желанія свои. Онъ присовокупилъ съ жестокою насмѣшкою, что, не смотря на презрѣніе, оказанное мною сильнымъ рыцарямъ, надееть

ся онъ сдѣлалъ меня чувствительною. Чудовище въ то же время хотѣлъ обнять меня, но конечно добродѣтель моя обуздала его; онъ удалился, извергая прокляшя и ужасныя угрозы.

„Нечувствительно прошло много мѣсяцовъ въ безпрестанномъ принужденіи и безпокойствѣ. Я не могу описать вамъ подробностей, которыхъ одно воспоминаніе приводитъ меня въ препетль. Иногда должна была я скрывать свое омерзене, иногда подавала гнусному сему предмету величайшей моей ненависти слабую надежду, чтобы склонить его къ моимъ ногамъ. Тщелно призывала я на помощь Небо и брата; но небо не внимало моимъ воплямъ. Наконецъ позволили мнѣ прогуливаться въ извѣстный часъ ночи по цер-

кви Свяшаго Колумба. Тамъ увидѣла я въ первый разъ своего избавителя.

„Внезапное появленіе ваше, Авинцо, поразило меня ужасомъ; но слова ваши успокоили меня. Я заклинала васъ не предпринимать ничего и предоставитъ меня несчастной судьбѣ моей. Я претепала, воображая опасности, которыми хопѣли вы пренебречь, зная могущество и жестокость Гондеца. Однакожь надежда вкралась въ мое сердце, и мнѣ пріятно было думать, что благодѣтельное существо принимаетъ участіе въ моей судьбѣ.“

Въ семь мѣстѣ испоріи своей прекрасная Ронильда остановилась на минушу и взглянула нѣжно на Авинца, глаза коего были устремлены на нее со всею пламенною любовію. Попомъ начала

она опять говорить теми же словами :

„Съ нѣкопорога времени монахъ, приносившій мнѣ пищу, переспалъ вдругъ ходишь. Гондецъ замѣнилъ его собою. Чаще приходилъ онъ одинъ, иногда съ опцемъ Джономъ Думбаромъ, присутствіе котораго освобождало меня отъ страха въ разсужденіи Гондесовыхъ предпріяній, особливо когда я увидѣла нѣкоторыя знаки соспрананія, не смотря на нечувствительную наружность его. Но никогда подозрительный Гондецъ не оставлялъ его одного со мною. Онъ, казалось, присматривалъ за малѣйшими движеніями поварища своего. Однакожь Гондецъ увеличилъ свои понужденія и, по видимому, хотѣлъ покуситься на все. Я умалчиваю о прешерпѣнныхъ мною оскорбленіяхъ,

Однажды чудовище хотѣло силою преодолѣть мое упорство, но конечно Богъ далъ мнѣ крѣпость воспоржествовать въ сей гнусной борьбѣ. Отецъ Джонъ Думбаръ, бывшій неподалеку, прибѣжалъ на крикъ мой и не могъ скрыть своего гнѣва. Онъ попрекалъ и угрожалъ Гондецу. Съ сей минуты я не видала болѣе Думбара, и нѣкопорыя слова Гондеца дали мнѣ знать, что онъ дорого заплашилъ за сіе челоуѣколюбивое движеніе сердца.

„Присущствіе пирана ужасало меня каждый день болѣе. За доуками и увѣреніями подлой спрасни послѣдовали обиды, проклятія и худые поступки. Давно уже было мнѣ запрещено ходишь въ церковь. За два дни до моего освобожденія Гондець вошелъ вдругъ въ подземелье,

служившее мнѣ убѣжищемъ. Видъ его былъ страшнѣе обыкновеннаго. Онъ объявилъ мнѣ, что хочешь ѣхать съ острова Оронцы и рѣшился оставить меня въ темницѣ на жестокую смерть, но что я могу еще сохранить жизнь и получить свободу, если соглашусь на желанія его. Я отвергла предложеніе его и презрѣла яросць. Ненависть и презрѣніе мое привели его въ бѣшенство. Онъ вывелъ меня насильно изъ подземелья, въ коемъ проводила я многіе мѣсяцы въ такихъ жестокихъ мученіяхъ, и припащилъ, не взирая на крикъ мой, въ другое еще ужаснѣйшее.

„Вопль, сказалъ онъ, открывая другую дверь въ моей темницѣ, вопль участъ навлекшихъ на себя гнѣвъ мой; посмотри на этого бѣдняка, осужденнаго мною уме-

реть медленною голодною смертію за то, что оскорбилъ меня, и готовься раздѣлить казнь его.“

„Въ самомъ дѣлѣ я увидѣла несчастнаго скованнаго спарика. Между тѣмъ какъ я взирала на него съ спрахомъ и жалостію, Гондецъ смотрѣлъ на меня съ злобною и звѣрскою радостію.

„Завтра, присовокупилъ онъ громовымъ голосомъ, я совершу свое мщеніе, или принужу тебя согласиться. И такъ удовлетвори желаніямъ моимъ, или откажись навсегда отъ брата, отечества, отъ свѣта. Завтра я ѣду; завтра оставлю тебя на ужасы уединенія и голода.“

„При семъ страшномъ приговорѣ я опомнилась. Я

умоляла варвара и пропягивала къ нему руки съ просьбами; но онъ оттолкнулъ меня съ жестокостію и ушелъ, повпоря рѣшительное свое намѣреніе. Я слышала, какъ онъ заперъ дверь и удалился.

„Страхъ и отчаяніе послѣдовали за сильнымъ обладаніемъ мною волненіемъ. Я упала почти въ обморокъ подлѣ стѣны, и когда опомнилась, то услышала, что спарикъ изъ сосѣдней комнаты утѣшалъ меня. Почтенный Алзарро! вы забывали свои страданія, чтобы усладить мои; но въ ту минуту устрашенная душа моя не могла еще вкусить несравненнаго увѣщанія ваши. Иногда оставалась я цѣлые часы въ безчувствіи и какъ бы поглощенной въ мрачныхъ раз-

мышленіяхъ, иногда со слезами и болѣзненнымъ воплемъ призывала смерть, какъ единственное облегченіе моихъ бѣдспвій. Часто даже обвиняла я васъ, Губерто. И упрекала васъ за жестокое оставленіе, взявши съ васъ сама торжественное обѣщаніе не предпринимать ничего къ моему освобожденію. Наконецъ поспоянство и покорность судьбѣ Алзарра пронесли меня. Убѣдительныя слова его, внушенныя челоуѣколюбіемъ и вѣрою, вложили въ сердце мое повинное вѣчнымъ опредѣленіемъ Провидѣнія и довѣренность къ безконечному Его правосудію.

„Другъ услышала я, что кто-то подходитъ къ шемницѣ. Мысль, что это Гондецъ, произвела во мнѣ

дрожь. Но какое было мое удивленіе, какова была моя радость, когда я услышала вашъ голосъ, Губерто! Когда вы сказали, что невозможно выломить дверей темницы, но я опять погрузилась въ глубокое уныніе. Но Алзарро, услышавъ имя ваше, тысящерадно благословлялъ Небо при повѣспиваніи подробносшей, сдѣланномъ мною о пребываніи вашемъ въ Аббатствѣ Святаго Колумба и о ночной встрѣчѣ со мною въ церкви монастыря. Но, увы! болѣзнь и голодъ испощали каждую минушу его силы; однако онъ все еще ободрялъ меня слабымъ голосомъ. Я же, предаваясь по унынію, по надеждѣ, молилась Богу до самой той минушы, которой ожидала съ такою неперифливосшію.

„Наконецъ глухой шумъ раздался подъ сводами подземелья. Я слушала со вниманіемъ; сердце мое сильно билось. Дверь отворилась, и я увидѣла своего избавителя. Ахъ! чѣмъ заплачу я возвратившему мнѣ свободу и жизнь? Положись, Сирь Авинцо, на вѣчную мою благодарность. О естѣли бы братъ мой, ежели онъ живъ, естѣли бы я сама могла найши случай убѣдительно увѣришь васъ въ ней!“

Такъ кончилась исторія прекрасной Ронилды. Она перестала уже говорить, но неподвижный Авинцо все еще слушалъ.

„Сударыня! сказалъ онъ ей наконецъ, помолчавъ

съ минушу, не безпокойтесь объ участи вашего брата. Храбрый Сирь Дональдъ Фиць Арранъ находится при Шотландскомъ Дворѣ, гдѣ пользуется уваженіемъ и любимъ. Послеъ бесполезныхъ поисковъ открытію васъ, живъ въ Шотландіи стало ему известно. Ненависть къ Королю Баліолу, котораго почиталъ онъ виновнымъ въ похищеніи васъ, заставила его оставить опечесство и пойти въ Англинскую армію, подъ именемъ Сирь Эдвина. Тамъ увидѣлъ я его въ первый разъ. Я бѣжалъ изъ Англии, гдѣ былъ долго въ плѣну, въ намѣреніи соединиться въ Шотландіи съ Королемъ Робертномъ Брюсомъ. На границѣ меня поймали и привели къ вашему брату, которому Англинскій Король поручилъ важное начальство

въ арміи. Не только оппустилъ онъ меня, но и оказалъ мнѣ великодушное пособіе, хотя въ то время былъ я только бѣдный бѣглець, не имѣя ни отца, ни матери и почти опечесства. Потомъ видѣлъ я его при Шопландскомъ Дворѣ и подружился съ нимъ. Часто рассказывалъ онъ мнѣ съ горестію о потерѣ любимой сестры. Я узналъ даже отъ него нѣкоторыя сказанныя вами подробности. Тогда не думалъ я совсѣмъ, что Небо предсавишь мнѣ такой прекрасный случай возблагодарить его.“

Слова Губерта принесли величайшее удовольствіе прекрасной Ронильдѣ. Существованіе брата ея и дружба, соединяющая съ нимъ избавителя, довершили ея радость. Положили, чтобы Авинцо по-

сдѣлать поспѣшно нарочнаго къ Сирь Дональду увѣдомить о несчастіяхъ сестры его и о щасливомъ окончаніи оныхъ. Между тѣмъ Губерто, болѣе нежели когда-либо восхищенный любовью и надеждою, при всякомъ случаѣ убѣждалъ Ронильду въ пламенной своей спрасми; а она, пошупя взоры и съ краскою на лицѣ, давала угадывать смущеніемъ и частыми вздохами, что сердце ея сдѣлалось чувствительнымъ съ перваго свиданія съ избавителемъ въ монастырѣ Святаго Колумба.

Коль скоро Алзарро пришелъ въ состояніе перенести безпокойство путешествія, Губерто сѣлъ съ нимъ и Ронильдою на одинъ корабль. Джонъ Думбаръ, котораго хотѣли скрыть отъ Гондеца, сѣлъ на другое судно.

Подняли якорь, и маленькой флотъ поплыль къ берегамъ Шотландіи. Благопріятный вѣтеръ пригналь ихъ скоро къ Думбарпону, гдѣ Гондеца высадили на берегъ и заперли въ башню Замка.

Къ Королю Робертѣ Брюсу послали нарочитаго съ увѣдомленіемъ объ успѣхѣ предпріятія и съ испрошеніемъ его повелѣній. Въ ожиданіи возвращенія курьера; Алзарро, выслушавшій въ продолженіе своего выздоравливанія въ присутствіи Гонильды и Думбара исторію Губерта, захопѣль въ свою очередь удовольствоваться его любовными пѣснями, и началъ слѣдующее :

Г Л А В А VI.

Исторія Алзарра.

„Исторія большой части моей жизни, любезный Авинцо, соединена гибельными обстоятельствомъ съ исторіею благородныхъ и несчастныхъ вашихъ родителей. Я хочу открыть тайну, скрывавшую такъ долго ваше рожденіе, но въ то же время приведу васъ въ ужасное безпокойство объ участи виновниковъ вашей жизни. Сперва долженъ я объявить вамъ, что имя Алзарра, подъ которымъ знаете вы меня съ дѣтства и которое, вступивъ въ монастырь Оронцскій, перемѣнилъ я на имя Антонія, мое настоящее. Я родился въ Тарентѣ, въ Италіи, отъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій сего го-

рода, бывшего долгое время обыкновенным мамъ жилищемъ. Имя мое Фердинандъ Озимо.

— Вы Графъ Озимо изъ Тарента — прѣрвалъ съ живописцю Губерто — вѣрный другъ Герцога Гонзари и супруги его Розанны Валенцы? —

„Такъ, потиъ самый.“

— О великодушной мой покровитель! вскричалъ Губерто, бросаясь къ старику на шею: рѣдкій образецъ постоянства и дружбы! Какъ обязанъ я вамъ за такую важную привязанность къ моей фамили, за такія пожертвованія и благодѣянія! Такъ, я не сомнѣваюсь болѣе, присовокупилъ онъ, проливая слезы, что Герцогъ Гонзари, въ несчастіяхъ коего принималъ я такое участіе, мнѣ

отецъ, Почтенный Графъ Озимо! какія выраженія могушь объяснить чувства мои къ вамъ? Но Небу извѣстно, сколь велика любовь, благодарность, питаемая къ вамъ сердцемъ моимъ. —

„Любезный Авинцо! сказалъ пронухый Графъ: я хотѣлъ бы болѣе сдѣлать для родителей вашихъ и васъ самихъ. Богу не угодно было, покоримся Ему безъ ропшанія и не покинемъ надежды на безконечную Его благость. Возблагодаримъ Его особенно за сохраненіе и соединеніе насъ опъ споль многихъ опасностей послѣ долговременной разлуки. Но вы знаете уже имя Гонзари и несчастія его: кто не разскажалъ вамъ о томъ?“

Тогда Губерто увѣдомилъ его объ открытіи манускрип-

па въ бумагахъ Сирь Аллана Макдональда, о подозрѣніяхъ своихъ по сему предмету и невозможности, въ какой находился, удостовѣриться въ нихъ.

По странному случаю Губерто привезъ съ собою манускриптъ въ Оронцу; онъ сыскалъ его и просилъ позволенія у Графа прочесть оный прекрасной Ронильдѣ. По прочиеніи его, часто прерываемомъ вздохами и слезами Губерта, Графъ Озимо началъ исторію свою съ того мѣста, гдѣ оканчивалась она въ манускриптѣ.

„Я оставилъ поспѣшно Эдимбургъ, любезный Авиццо, вручивши васъ торжественно Сирь Аллану Макдональду и почтенной супругѣ его, и нѣжно распрощавшись

Часть III. И

съ вами. Прибывши въ Бервикъ, сѣлъ я на корабль и, воспользовавшись первымъ благопріятнымъ вѣтромъ, поплылъ къ берегамъ Италіи.

„Плаваніе мое было благополучно. Вышедши на берегъ, тотчасъ отправился я въ Римъ. Первые дни, проведенные мною въ семь городовъ, употребилъ я для описанія на бумагѣ всего, случившагося съ Герцогомъ Гонзари и супругою его. Я сдѣлалъ двѣ копіи сей исторіи. Къ одной, назначенной для Сирь Аллана и отданной мною при письмѣ старому и вѣрному слугѣ, присовокупилъ я подробности всего того, что заставила меня предпринять дружба для узнаванія участи ихъ и сохраненія нашей жизни въ безопасности. Эта самая копія, Губершо,

черезъ долгое послѣ того времени попала къ вамъ въ руки. Не знаю, по какому случаю заперялось препровождавшее оную письмо. Къ другой прибавлено собственное мое мнѣніе объ ужасныхъ приключеніяхъ, случившихся въ Вилла Севешъ; я не успрашился въ ней коснуться памяти Кардинала Николо Гонзари. Я оканчивалъ ее, пребывая, чтобы существующія еще лица, замѣшанныя въ семь ужасномъ гоненіи, были взяты и получили наказаніе за свои пресупленія.

„Я зналъ, что отъ успѣха сего обвиненія зависятъ мое щастіе и жизнь, однако подалъ его въ судилище. Вскорѣ узналъ я мудрость совѣповъ, данныхъ мнѣ несчастною Герцогинею Гонзари. На другой день послѣ шо-

го, какъ я подалъ записку свою великому Инквизитору, схватили меня служители судилища и бросили въ пещищу, въ которую тщетно хоньбаль я низвергнулъ тониселей моего друга.

„Четыре года оставался я въ семь ужасномъ жилищѣ, будучи поперянь для свѣта, терпя во всемъ нужду и тщетно упрашивая, чшобы меня судили. Особливо думалъ я объ васъ, любезный Авинцо, и упрекалъ себя въ томъ, что оставилъ Шотландію, гдѣ могъ бы имѣть смотрѣніе за вашимъ дѣпсивомъ. Я чувствовалъ, но поздно, что поспунилъ глупо, ожидая правосудія отъ судилища, которое, вмѣсто того чшобы оказывать помощь невинности, было подлымъ орудіемъ спрасшей и мщенія

собственныхъ своихъ членовъ и дѣйствовало чаще всего по ненависти, злобѣ и даже свое нравію.

„Тогда понялъ я, для чего Герцогиня Гонзари не хощла въ письмѣ своемъ именовать гонителя. Она предвидѣла конечно, что если бы назвала Кардинала, то я тотчасъ обвинилъ бы его и погубилъ бы его безразсудностію ее и себя.

„Въ одинъ день обиръ, сперегшій меня, подаль мнѣ слѣдующее запечатанное письмо :

Графу Фердинанду Озимо.

„Святое судилище всегда старалось умѣрять справедливую свою строгость, по щиримости своей и мило-

сердію , и попому предпола-
гаеть , что не нарушишь по-
спановленій блаженнаго Свя-
таго Доминика , предложивъ
Графу Озимо средства къ сни-
сканію снисхожденія суди-
лища ,

„Въ слѣдствіе чего Графъ
Озимо получишь свободу , под-
писавъ прилагаемое при семъ
объявленіе ; въ проповномъ
же случаѣ судимъ будешь и
получишь награду за пре-
ступную упорность .

„Объявленіе , пребуемое
опъ меня , было слѣдующаго
содержанія :

„Я , Графъ Фердинандъ
Озимо , припадая смиренно
къ судилищу святой Римской
Инквизиціи , признаюсь , что
привлекъ на главу свою гнѣвъ
Божій и строгость великихъ

Инквизишоровъ , покушаясь злодѣйски осквернить соблазнительнымъ , ереспическимъ , безбожнымъ обвиненіемъ память Кардинала Николо Гонзари , сѣдѣщаго теперь на небеси въ числѣ блаженныхъ , и оприцаюсъ поржеспвенно опъ помянутаго обвиненія , какъ опъ проклятаго сочиненія , въ очищеніе опъ копораго буду непрестанно молихся , обязуясь сверхъ того , еспьли какимъ-либо образомъ возобновлю оное , покорихся мщенію всесвятаго и всечистаго судилища , предъ коимъ смиряюсъ какъ бѣдный грѣшникъ , недостойный безконечнаго его милосердія.

„Первымъ движеніемъ моимъ по проченіи сей бумаги было опослать ее въ судилище , не удостоивъ опвѣща ; но разсудокъ скоро убѣ-

диль меня, что намѣреніе сіе подвергнетъ меня неминуемо заключенію на всю жизнь въ темницахъ Инквизиціи и, можешь быть, содѣлаешь жертвою какого-нибудь ложнаго обвиненія, которое нарочно на меня взведешь. Напрошивъ того, получивъ свободу, я могу снова оставить Испалію и возвратиться въ Шотландію, для окончанія воспитанія вашего, Губерто. Объявленіе, которымъ обязывался я не беспокоить болѣе гонимелей вашихъ родителей, не могло меня связывать, потому что было очевидно испоргнуто сильно и оставляло мнѣ свободу протестовать противу сдѣланнаго мнѣ насилія.

„Всѣ мои поступки не принесли нималѣйшей пользы жертвамъ, которыхъ за-

щипу я взялъ на себя; самъ я подвергся только продолжительному и горесипному заключенію. Сіи уваженія и увѣренносѣь, что могу пайно продолжать свои поиски, рѣшили меня подписаться пребуемое объявленіе. Въ слѣдующую ночь вывели меня изъ темницы, и я прошелъ не безъ ужаса многія мрачныя подземелья съ разными снарядами для пытокъ и казни. Наконецъ опперли маленькую рѣщепку, и я вышелъ за ограду, въ коей такъ долго спеналъ.

„Первымъ употребленіемъ вольности было ѣхать въ Тарешскія мои помѣстья, гдѣ давно уже почиали меня умершимъ. Исправивъ безпорядки въ дѣлахъ своихъ, произшедшихъ отъ продолжительнаго моего отсут-

ствія, поѣхаль я въ Шотландію. По прибытіи шда, узналь я о главной кончинѣ Сирь Аллана Макдональда и о разореніи его владѣнія. Я дѣлалъ бесполезныя освѣдомленія, чшобы узнать, гдѣ находится супруга его и любезный мой Губерто Авинцо. Между разными извѣстіями, собранными мною о ихъ участи, одни заспавляли думать, что Лади Макдональдъ была умерщвлена съ Губертомъ солдатами Эдуарда, другія же, что они сгорѣли вмѣстѣ съ Запкомъ Сирь Аллана. Никакіе признаки не подавали повода заключаць, чшобы они были опшведены въ плѣнь въ Англію. Напротивъ того все подпверждало вашу смерть, любезный Авинцо. Огорченный симъ новымъ несчастіемъ, я проѣхаль всю Шотландію, чшобы васъ опшискать;

попомъ черезъ нѣсколько мѣ-
сяцевъ отправился въ Испа-
лію для возобновленія поис-
ковъ на щепъ вашихъ ро-
дипелей.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

